

Сандрин Боннер: «Меньшиков — самый загадочный актер!»

— Впервые вы снимались с партнером, не зная ни слова. Как вам работало с Олегом Меньшиковым?

— Он самый загадочный человек, которого я когда-либо встречала! Он невероятно магнетичен. На съемочной площадке вокруг него возникает особая аура. Но до самого последнего момента мы не знали, сможет ли он играть на французском. Он переписывал французские слова на кириллице и зазубривал наизусть. Режи просил его сказать на пробу хоть несколько французских фраз, но он не сказал ни слова вплоть до момента съемок. Я боялась самого худшего. Но оказалось, что он прекрасно играет на французском! С первой же сцены я успокоилась и играла с ним, как с французом.

— А как же вы общались с ним за пределами съемочной площадки?

— А мы практически не общались. Наверное, из-за языкового барьера. Сначала мне было странно, что мой партнер не разговаривает со мной, приходя на съемочную площадку, не приглашая на чашечку кофе. Но я попыталась представить себе, как бы мы общались, не понимая друг друга, и решила, что даже лучше, что мы встречаемся только на площадке, где всегда есть переводчик. Под конец мы немного сдружились, мне показалось, что мы стали настоящими сообщниками. По крайней мере, на экране мы выглядели парой.

— Давно мы не видели вас на экране в такой сильной роли.

— Я была счастлива сыграть в этом фильме — романтическом и трагическом одновременно. Меня поразила глубина этой истории, ее эпичность. И вместе с тем Режи сумел великолепно обыграть множество мелких деталей — например, жизнь в коммунальной квартире. Думаю, это его лучший фильм.

— В чем, по-вашему, заключается главный козырь Варнье как режиссера?

— В его упорстве. Он не отступает ни в чем — ни в режиссуре, ни в бюджете, ни в технике. Но это не значит, что он не умеет слушать других. Наоборот, он всегда открыт предложениям. Но если ему пришла в голову какая-то идея, он от нее не отступится. Меня это восхищает, потому что сама я всегда готова опустить руки перед трудностями.

— Что больше всего поправилось в вас в этой роли?

— Ее мужество. Ее преданность мужу. Это удивительно — она следует за ним на край света.

— А вы могли бы так?

— Не знаю (пауза). Нет — пожалуй, нет. Но я никогда не стояла перед таким дилеммой. Меня также восхищает в Мари ее упорство, ее десятилетия бива за то, чтобы вернуться на родину. Мари — героиня в прямом смысле этого слова. Это потрясающая роль, которая обобщает все, что я сделала в кино раньше.

— Вам было приятно играть любящую и любимую женщину?

— Разумеется, меня вдохновляла романтическая сторона этой истории. Каждый раз, когда я вижу удачные фильмы о любви, я переживаю потрясение. Что может быть прекрасней? Все мы ищем в этой жизни только одно — любовь.

— До сих пор вы часто играли страдающих героинь.

В новом фильме Режи Варнье "Восток-Запад" Сандрин Боннер стала партнершей Олега Меньшикова. Она играет француженку, которая после войны приезжает в СССР вместе с русским мужем и воочию видит "достижения социализма" — от коммуналки до ГУЛАГа. "ЭС" уже писал о съемках фильма "Восток-Запад" в летних номерах. Сегодня мы публикуем интервью с исполнительницей главной роли.

— Да, моим героиням редко везет в любви. Продюсеры с трудом могли представить себе меня в такой роли. Я знаю, что Режи сражался за меня, спорил, доказывал. Я уже говорила, что он упорный человек. И в результате я впервые оказалась решающим звеном в крупнобюджетном проекте.

— Как прошла ваша встреча с Катрин Денев? Вам не было страшно, что вы играете главную роль, а она — второстепенную?

— Знаете, в детстве я смотрела ее фильмы по телевизору и мечтала, что когда-нибудь увижу ее воочию. Я очень люблю Катрин — и как актрису, и как женщину. Мы с ней встречались лет десять назад. Андре Тешине хотел снимать нас вместе в фильме, который так и не состоялся, и пригласил нас пообедать, чтобы посмотреть, как мы будем выглядеть в одном кадре. Еще во время той, первой встречи я была удивлена, насколько она симпатична и добра. Катрин — удивительный человек, она всем интересуется, всегда говорит, что думает. Мы обедали в бразильском ресторане — действие фильма должно было происходить в Бразилии. Андре нельзя было пить ни капли алкоголя — он проходил курс лечения антибиотиками. Он с тоской смотрел, как мы дегустируем экзотические коктейли, мы над ним посмеивались, и между нами сразу же сложились отличные отношения. Когда я узнала, что Катрин будет сниматься в "Востоке-Западе", стала с нетерпением ждать новой встречи с ней. Мы встретились, как подружки.

— Вам не кажется странным, что до сих пор вы чаще всего снимались у режиссеров-маргиналов, в малобюджетных лентах?

— Все почему-то считают, что я добровольно избрала этот путь. Когда люди говорят со мной, они в основном вспоминают фильмы, которые ставили Морис Пиала, Аньес Варда или Жак Риветт. Почему-то никто не обсуждает, как я могла бы сыграть у Соте или Леконта. Я ничего не могу с этим поделать. Я не умею себя преподносить, и все считают меня дикаркой.

— Режи Варнье говорил, что ваши взгляды и ваше отношение к кино отчасти сформировали режиссеры, с которыми вы начинали свой путь. Отсюда эта сдержанность, отсутствие иронии по отношению к персонажам...

— Это все чепуха. Если бы Режи предложил мне сниматься у него десять лет назад, я бы согласилась. Я всегда считала себя открытой популярным жанрам — популярным в хорошем смысле слова. Единственное, чего я не люблю, — слащавости и дешевой слезливости в фильмах, где зрителя держат за идиота.

— Значит, никто из режиссеров не повлиял на ваши кинокусы?

— Думаю, нет. Пиала никогда из режиссеров не любит и в кино не ходит. Я не представляю себе ситуацию, в которой он бы посоветовал кому-то посмотреть тот или иной фильм! Риветт — наоборот, все фильмы видел и постоянно ходит в кино, но нам нравятся разные фильмы. А что касается Шаброля, он вообще предпочитает смотреть телевизор! (смех)

— Ваш кинообраз поразительно не похож на вас в реальности. Мне трудно вспомнить сцены, в которых вы бы смеялись.

— Практически все актрисы моего поколения жестко вписаны в рамки амплуа. Исключение составляет только Жюльетт Бинош — но она живет и работает на совершенно ином уровне. А посмотрите на Софи Марсо — ее записали в инженеру, и чтобы получать другие роли, она должна сниматься в Америке. То же самое — Эмманюэль Беар. Когда мы снимались с ней в "Похитителе жизни", я с удивлением обнаружила, что в жизни она совсем не такая, как на экране.

— Режи Варнье говорил, что перед съемками "Востока-Запада" он беседовал с Ивом Анжелом, который сказал ему, что ради персонажа вы можете пойти очень далеко.

— Я могу идти далеко, главное — чтобы можно было вернуться. Анжело в "Похитителе..." заставил меня умереть. Если каждый раз идти так же далеко, можно попасть в психушку. На съемках у Анжелю я плохо себя чувствовала. И морально, и физически. Я чувствовала себя уставшей, угнетенной, всего пугалась. Это очень опасно — играть уход на тот свет, потому что жизнь и кино могут непредсказуемо перемешаться. Один раз я рискнула, но больше не хочу.

— Вы тяжело пережили неудачу "Похитителя жизни"?

— Да. Я могу понять нежелание людей смотреть этот фильм — в конце концов, многие ходят в кино, чтобы развлечься, и не хотят смотреть на страдания и смерть. Но мне была непонятна злорадность критиков — нет, не на меня, а на Иву Анжелю, на Эмманюэль Беар. Складывалось впечатление, что они сводили личные счеты. Один обозреватель написал, что Эмманюэль красива, а я умею играть. А читалось это так: "Одна бездарна, другая уродлива!" Это было омерзительно — видеть, как нас противопоставляют друг другу.

— Однажды вы сказали, что с детства верили, что вас ждет необычная судьба.

— Это говорила не я, а все остальные, кто меня интервьюировал. Но мама рассказывала мне одну забавную историю. В нашей семье было девять детей, и к нам часто приходил врач — всегда кто-нибудь болел. Так вот, этот врач захотел меня удочерить. Он сказал родителям: "У вас столько детей, вам же очень тяжело, отдай-

те мне одного на воспитание", — показал именно на меня. Другие его не интересовали. Мама считала, что он увидел во мне что-то такое, чего не было в остальных. Думаю, она просто нафантазировала. Конечно, к 12 лет я мечтала стать актрисой, но покажите мне девочку из бедной семьи, которая бы не мечтала об этом.

— Вы верите в судьбу?

— Не знаю. Мне кажется, что мы сами создаем себе судьбу. Мы ее провоцируем, подталкиваем, направляем.

— Вот уже 16 лет вы снимаетесь в кино. Что оно вам дало?

— Культуру. Смену обстановки. Комфорт. Путешествия. 16 лет — ровно половина моей жизни. До 16 лет я постигла только две вещи — чувство собственного достоинства и скромность. Этому научил меня отец. Без кино у меня не было бы всего того, что я вам перечислила. Школу я не любила, училась плохо. Помочь мне было некому. Я не хочу сказать, что все дело в деньгах, но они никогда не мешают.

— Вы часто вспоминаете прошлое, думаете о проектах, которые снимались несколько лет назад?

— До сих пор я предпочитаю не оглядываться. По идее, надо бы обернуться, пересмотреть мои старые фильмы, посмотреть, как я взрослела.

— Многие режиссеры, не

сговариваясь, называют вас самой загадочной актрисой французского кино.

— Тем лучше! (смех) Загадки заставляют мечтать и воображать. Мне льстит определение "загадочная", хотя я не хочу показаться слишком загадочной и непонятной.

— Что страшит вас больше всего?

— Необходимость пойти против моих принципов. Мне страшно представить себе ситуацию, в которой придется гнаться за деньгами, интриговать, пробиваться в суперзвезды.

— Вам не хочется быть большой звездой?

— Это слово дребезжит, как разбитая кастрюля. Слишком много негативного спрятано в определении "звезда". Если уж быть звездой — то такой, как на небе. Светить себе потихоньку, никому не мешать и не слишком привлекать к себе внимание.

— Вы знаете, как назвал вас Режи Варнье в своем дневнике?

— О-ля-ля, я жду самого ужасного...

— Сандрин Bonheur [фр. "счастье"].

— О... раз так, я предлагаю изменить мое имя в афишах. Sandrine Bonheur — это здорово. Может быть, тогда меня перестанут приглашать на роли страдальца!

Мишель БАЙЕН